

ЗАГОВОР

ДМИТРИЙ ГОЛУБОВСКИЙ

ЗАГОВОР
БАНКИРОВ

Дмитрий Голубовский
Заговор банкиров

«Алисторус»

2009

УДК 82-94
ББК 66.2

Голубовский Д. Н.

Заговор банкиров / Д. Н. Голубовский — «Алисторус», 2009

ISBN 978-5-6993-7116-7

«Те люди, которые управляют мировыми финансовыми потоками, уже давно знают о причинах кризиса, а также его глубине, давно выработали план для сохранения своей власти и приводят свой план в исполнение. Складывается очень неприятное ощущение, что для простого человека уже уготована лямка побольше и ложка поменьше. Например, МВФ выделила Венгрии кредит с условием обязательного снижения социальной нагрузки. Мы из МВФ ничего не берем, но у нас свои стервятники найдутся, тот же Чубайс, Кудрин и сотоварищи...» В книге финансового эксперта Д. Голубовского подробно анализируется все, что так или иначе связано с кризисом – от ипотечного кредита до колебаний курсов мировых валют и т. д. Автор приходит к выводу, что кризис привел к неслыханному обогащению «избранных» банков, в т. ч. российских, и убедительно доказывает это.

УДК 82-94

ББК 66.2

ISBN 978-5-6993-7116-7

© Голубовский Д. Н., 2009

© Алисторус, 2009

Содержание

Часть 1. Осень 2008-го: общая картина	6
Часть 2. Проблема доллара и базовые сценарии глобального кризиса	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитрий Голубовский

Заговор банкиров

© Голубовский Д. Н., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

© ООО «Издательство Эксмо», 2009

* * *

*Выражаю глубокую признательность моему двоюродному брату
Алексею Вязовскому за неоценимую помощь в подготовке этой книги*
Автор

Часть 1. Осень 2008-го: общая картина

Итак, случилось... 11 сентября 2008 года Банк России, устами своего зампреда г-на Улюкаева, признался в том, что российскую банковскую систему накрыл кризис ликвидности. «Тихую гавань для капиталов», расхваливаемую министром финансов России Кудриным еще за полгода до этого момента, накрыло финансовое цунами, пришедшее с Запада. Спустя короткий отрезок времени на российском фондовом рынке и в банковской системе начался тот же ад, который к тому моменту уже царил в США.

Если вы наблюдаете крупный обвал, вы резонно предполагаете, что его причиной были какие-то камушки, которые покатались первыми. Эти камушки можно назвать несистемными причинами обвала. Но у обвала есть и системные причины, которые заключаются в том, что достаточная масса камней опасно скопилась на склоне и ждала только одного толчка, чтобы осыпаться вниз. Обвал российского фондового рынка осенью 2008-го, если его рассматривать как абстрактный процесс, ничем, по сути, не отличается от своего физического аналога. Чтобы понять, что же произошло осенью 2008 года и что произойдет в будущем, откуда происходит нынешний кризис и куда он приведет глобальную экономику и Россию, которая на свою беду успела плотно интегрироваться в самую уязвимую ее часть – глобальную кредитно-финансовую систему, нужно отделить системные причины от несистемных и сосредоточиться на первых.

Простое объяснение, к которому осенью 2008-го сводились все оправдания нашего правительства, для которого начало глобального экономического спада оказалось полной неожиданностью, очевидно: на глобальном рынке возник дефицит денег. Поскольку в финансовом отношении Россия, что бы там ни говорил г-н Кудрин о «тихой гавани», совершенно открытая часть глобального рынка, не стало денег в российской экономике, которая являлась и является российской только по названию. Почти все средства, которые в ней крутились, если проследить пути их поступления, поступали в последние годы через иностранные банки или в виде отчислений компаний-экспортеров, напрямую зависящих от иностранного спроса на их продукцию. На Западе возник вакуум ликвидности, и часть ее была вложена нерезидентами в акции российских компаний. Нерезиденты выводили свои деньги с российского рынка, латая свои собственные финансовые дыры.

С другой стороны, у российских игроков не было достаточных финансовых средств, чтобы перекупить российские акции даже по текущим привлекательным ценам. Это привело к ситуации, когда некоторые российские компании стали стоить даже дешевле, чем остатки средств, находящиеся у них на балансе. Устойчивого растущего тренда на российском рынке в среднесрочной перспективе ждать не приходилось, потому что российскому рынку просто не на что было расти, – здесь уже не играли роли ни привлекательность текущих цен на активы, ни локальные риски. В ситуации закономерного в условиях глобального кризиса сокращения позиций нерезидентами рынок мог вырасти только за счет российских инвесторов, но у российских инвесторов не было для этого денег, потому что им нужно было гасить уже взятые займы, а новые займы им в текущих условиях предоставляли неохотно и под более высокие ставки.

Надежда на помощь ЦБ изначально была плоха. Конечно, ЦБ мог себе позволить потратить значительную часть своих средств на поддержку отечественного финансового и даже непосредственно фондового рынка, не подвергая при этом рубль серьезной угрозе. Однако это в ситуации, сложившейся тогда, не могло увеличить ни привлекательности российского фондового рынка, ни российской экономики в целом в какой-либо серьезной перспективе, точно так же, как колоссальные вливания ФРС США в американскую экономику не вели тогда к ее оздоровлению, а лишь предотвращали резкие обострения текущего глобального кризиса. Дело

тут в том, что доверие инвесторов не купишь за государственные деньги, – позитив от факта поддержки рынка нейтрализуется негативом от факта государственного вмешательства. Вся ликвидность, в конечном итоге, создается потоком независимых сделок, и ее искусственное поддержание может лишь помочь проблемным компаниям свести дебет с кредитом, однако риски остаются рисками вне зависимости от сумм на балансах компаний.

То, что произошло на российском рынке, – это ни в коем случае не локальный феномен, это часть глобального процесса, периферией которого является молодой российский рынок. Запускной механизм нашего кризиса такой же, как и природа глобального кризиса. Меры по искусственной накачке российской экономики ликвидностью, которой занялся осенью 2008-го ВЭБ, поддерживая фондовый рынок непосредственно, и ЦБ, увеличивая рефинансирование банковской системы, предсказуемо оказались столь же неэффективны, как и аналогичные попытки ФРС ослабить кризис в США или попытки ЦБ Евросоюза предотвратить стагнацию в еврозоне за счет крупномасштабной эмиссии, которую они провели еще в конце 2007-го.

* * *

Кризис, поразивший мировую кредитно-финансовую систему, имеет структурные предпосылки. Это – структурный кризис, и его природу нельзя полностью описать теориями экономических циклов. Этот кризис – конец чего-то, что было до него, и начало чего-то нового. Что сейчас прекращает свое существование? С момента частичной отмены бреттонвудских договоренностей, когда золото официально перестало быть единой мерой стоимости, такой мерой стоимости стал американский доллар. Такое положение американской валюты покоилось на трех китах: сильный и открытый американский рынок в совокупности с передовым для своего времени промышленным потенциалом страны, военно-политическое могущество США и нефть, значительные запасы которой контролировались американскими компаниями. За время, прошедшее с момента утверждения доллара как единой меры стоимости и до сегодняшнего дня, ситуация значительно изменилась. Рассмотрим подробнее, на чем зиждилось ранее американское могущество.

Американцы не изобрели ничего нового, чтобы позволило их государству баснословно разбогатеть, они лишь удачно применили то, что было открыто до них еще со времен Адама Смита, и даже раньше. Главный принцип американского успеха заключается в ясном понимании основной роли денег: деньги, как таковые, нужны только для одного – для обеспечения оборота товаров и услуг. Не для обеспечения самих товаров и услуг, а именно – для обеспечения их оборота. Американцы сумели создать финансовую систему, в которой деньги наиболее эффективно выполняют эту свою основную функцию. Понимание основной функции денег приводит к тому, что в рамках существующей сегодня модели капитализма, в которой распределением финансовых потоков занимаются коммерческие банки, управляемые частнокорпоративным образом, цена денег – это просто ссудный процент, так как деньги в первую очередь должны обеспечивать оборот самих себя.

До недавнего времени, правда, было одно уникальное исключение из этого правила, которое в период нынешнего кризиса может превратиться в новое правило – не так давно Японский Центробанк с конца 90-х длительное время держал нулевую учетную ставку и поднял ее до 0,25 % только накануне 2006 года. Но это исключение, и связано оно как с тем, что Япония с конца 80-х годов находится в хроническом дефляционном кризисе, так и с той специфической ролью, которую она играет в глобальном разделении труда. Сегодня, в период кризиса, на смягчение монетарной политики пошли все Центробанки ведущих стран мира, и удивить кого-то низкой процентной ставкой сегодня уже нельзя, что также имеет свою закономерную подоплеку, связанную уже с условиями настоящего времени.

* * *

Итак, основное дело денег – обеспечивать оборот товаров, услуг и различных финансовых инструментов. Давно открыто, что деньги можно просто нарисовать на бумажке, но также давно известно, что, если их нарисовать несколько больше, чем нужно, цены, номинированные в этих единицах, начинают расти, то есть начинается инфляция. В таких случаях часто однобоко полагают, что существует дефицит товара, то есть что деньги – реально не обеспечены. Это в принципе неверная точка зрения. На самом деле существует дефицит *оборота* товаров и услуг. Единственный выход из этого дефицита – нарастить оборот (в денежных единицах). Нарастить оборот можно двумя способами:

- инфляционным – увеличив денежную массу при неизменной товарной массе, что ведет к увеличению цен на товары;
- количественным – вовлекая в оборот новые ресурсы.

Как правило, оборот наращивается обоими путями одновременно, но огромное преимущество конкурентных рынков по сравнению с зарегулированными и протекционистскими в том, что на денежную эмиссию они, как правило, реагируют преимущественно по второму сценарию. Производители и продавцы не будут механически повышать цену ради сохранения или увеличения нормы прибыли, т. к. тот, кто это сделает первым, уступит часть рынка своему более терпеливому и менее прихотливому конкуренту. Поэтому на конкурентных рынках производители товаров и услуг реагируют на эмиссию стимулированием производства новых товаров и услуг, чтобы нарастить оборот. То же самое касается процентных ставок – банки будут терпеть, чтобы не терять клиентов, до тех пор, пока Центробанк не даст им сигнал, изменив официальную учетную ставку. Тогда они могут на это среагировать.

Это и есть первый секрет американского успеха, из которого никто, кстати, секрета не делает, – такой уровень открытости, при котором эмиссия стимулирует рост оборота, а не инфляцию или удорожание кредита, а эффективно абсорбируется экономикой. Секрета тут никакого нет – просто тот механизм, о котором я тут говорю, часто до конца не понимают. В протекционистской экономике с высокой степенью монополизации эмиссия денежных средств, подчас необходимая для финансирования каких-то экстренных бюджетных затрат, связанных, например, с ведением войны или преодолением кризиса, чревата гиперинфляцией и крахом государства, что и случилось, например, в СССР. В открытой и конкурентной экономике, типа американской, эмиссия, если она, конечно, не носит уж совсем обвального, шокового характера, напротив, стимулирует экономический рост.

Кстати, прекрасно понимая этот принцип, американское правительство в период нынешнего кризиса пытается стимулировать рост эмиссионно, правда, глубина проблем, о которых мы поговорим чуть позже в этой книге, сегодня такова, что чисто монетарных мер сегодня недостаточно. С работой этого принципа также связан тот факт, что войны, развязываемые США, и связанные с ними огромные бюджетные траты и займы до недавнего времени способствовали росту курса доллара и фондовых индексов, стимулируя американскую экономику и привлекая в нее инвестиции. А влезь сейчас в какую-нибудь серьезную войну, например, Россия, рубли, скорее всего, стали бы сливать, как и акции наших компаний.

В открытой конкурентной экономике деньги, как вода, найдут дырочку, чтобы течь дальше. Эмиссия – это просто напор. Чем выше напор, тем лучше вода ищет новые протоки, заполняя и оживляя то, что при малом напоре осталось бы незаполненным. Деньги, которые ассоциируются с золотом или с товаром, подобны твердому телу – они не будут искать выход, и в такой «твердой» модели эмиссия просто обесценивает все сбережения, так как не может изменить реальный объем этих «твердых денег». Она порождает инфляцию, которую еще удачно называют «налог на бедных», так как инфляция – это, по сути, плоская ставка

«налога на деньги», применяемого ко всем без разбора, при этом больше всего страдают те, у кого меньше всего имущества. А вот «жидкие деньги» свободной экономики практически текут сами, и там эмиссия либо вообще не порождает инфляцию, либо порождает ее со значительным временным лагом, но создает давление, стимулирует экономику.

* * *

Первоначально именно то, что американская экономика первая стала наиболее конкурентной, создало условия к практически безграничному печатанию долларов и заложило основы практически безграничного могущества правительства этой уникальной страны, которое могло совершенно свободно финансировать себя, просто создавая себе деньги. Конечно, для поддержания оборота оно собирало налоги – без этого нельзя. Они играют в этой физической аналогии роль вязкости жидкости. Для сверхприбыльных отраслей они достаточно высоки, как и для очень богатых людей, что ограничивает их влияние на экономику. Для среднего класса они оптимальны. Для бедняков же, желающих пробиться, напротив, есть различные субсидии и социальные программы. Гигантские субсидии есть и для сельского хозяйства. Сейчас все это работает не так, как раньше, – там все сейчас приходит в упадок, но еще лет 30–40 назад США действительно можно было назвать страной относительно равных возможностей.

Верно и то, что налоги составляют львиную долю американского бюджета, однако в условиях «жидких денег» правительство может постоянно «подкачивать» экономику и свой собственный бюджет, поддерживая его дефицит на безопасном для экономики уровне. Разумеется, этого нельзя делать совершенно бесконтрольно – слишком большой напор разрушает стенки сосудов и форму струи – наступает турбулентность – биржи начинают лихорадить, лопаются банки, деньги «утекают» из экономики «в песок», то есть в серые схемы, финансовые пирамиды и пузыри. Все это можно было наблюдать и до нынешнего кризиса, когда американская экономическая модель уже стала клониться к упадку, и в процессе кризиса. Все это также имело место и по ходу становления американской ликвидной экономики, но они учились на этих ситуациях и научились предотвращать такие ситуации и преодолевать последствия, с чем до недавнего времени справлялись достаточно эффективно, да и в текущем кризисе они, при всей его глубине и относительной новизне ситуации, держатся пока что довольно неплохо.

Весьма показательно, кстати, что слово «ликвидный» происходит от английского liquid, что в буквальном переводе означает «жидкий». Вообще понятие «твердая валюта» – это устаревшее восприятие денег, оставшееся со времен «золотого стандарта», когда в денежных единицах было фиксировано содержание золота. Сегодня о долларе и других подлинно глобальных валютах правильно было бы говорить: «жидкая валюта». Твердым-то как раз являлся советский, а сегодня является российский рубль, обеспеченный товаром – нефтью, газом и драгметаллами, а не оборотом товаров и услуг на весьма слабо развитом внутреннем рынке. Во внешнем обороте рубль пока что вообще практически отсутствует. Когда накануне краха советской системы цена на нефть упала, возник дефицит платежного баланса – всего-то в каких-то сорок миллиардов долларов – и его хватило на то, чтобы грохнуть всю советскую экономику, до такой степени она была «твердая», да к тому же еще и хрупкая, что уже связано с ее гиперцентрализованной организацией.

Теперь представим себе следующую картину: есть множество твердых кирпичиков, кое-как притертых друг к другу. Каждый из них символизирует «твердую» протекционистскую экономику. Притерты они друг к другу с помощью тарифов, квот и прочих механических волевых решений правительств. Они давят друг на друга, иногда напряжения в узких местах становятся настолько сильными, что некоторые кирпичи раскалываются на две, три, а то и целых пятнадцать частей, как это случилось с СССР – по числу автономий. Такая вот картина, больше всего

похожая на... растрескавшуюся под палящим солнцем иссушенную землю. И тут – о чудо!!! – вдруг в одном из кирпичиков, посреди этой пустыни, полной жажды, бедности и страданий подавляющего большинства жителей, начинает бить вода! Зеленая бумажная вода, бьющая из печатных станков банков ФРС США.

Конечно, такое воистину алхимическое превращение одного из кирпичиков мировой экономики в ее оазис произошло не просто так. Первая мировая подняла экономику США над всеми другими странами. Великая депрессия и последующее правление Рузвельта сломили хребет всем крупным монополиям. Вторая мировая война вывела США в безусловные лидеры мировой финансовой системы. Все это – сочетание удачи и точного и холодного расчета глобальной финансовой олигархии, выбравшей себе в XIX веке США в качестве основной базы для финансовой экспансии, но нельзя отрицать того, что этот расчет и удачу американцы сумели использовать с огромной пользой для всей своей нации. Более того, они поделились созданной ими моделью со всеми, кто захотел к ней приобщиться, на своих условиях поделились, разумеется, но поделились. А условия заключались главным образом в том, чтобы этой модели просто не мешали распространяться.

* * *

Не станем сейчас подробно вдаваться в тот путь, который прошли американцы, – он по-своему и велик, и кое в чем даже трагичен. Сосредоточимся вновь на нарисованной мною картине. Итак, бьет вода. Куда она в первую очередь устремляется? Разумеется, в щели между кирпичиками. Она заполняет пустоты между протекционистскими экономиками и начинает служить демпфером. Переводя эту картину на язык экономики, доллар становится средством расчета между протекционистскими экономиками. И вот тут-то для США открывается вторая возможность, являющаяся продолжением первой.

На международном рынке с появлением ликвидного доллара появляется новая услуга – обеспечение международных расчетов и транснациональной торговли, которые раньше обеспечивались директивно межправительственными торговыми соглашениями или золотом. И это не что иное, как потенциал наращивания оборота! Получается даже так, что долларовая вода не просто течет в щели – ее туда засасывает. Это можно себе представить, если понять, что там, в отличие от воды на земле, вакуум. На земле вода конкурирует с атмосферным давлением – она должна вытеснить воздух, чтобы заполнить пустоту. В случае же с долларом вытеснять ничего было не надо.

Таким образом, наступает второй этап: доллары просто втягиваются во все щели – они нужны всем, и чтобы скомпенсировать дефицит долларов, ФРС продолжает их эмиссию. Это даже нельзя назвать новой возможностью. На самом деле у США уже не было выхода – один раз встав у истока этой финансовой манны, они просто не могли ее закрыть. И они поступили весьма мудро, согласно своей же поговорке: «Если не можешь остановить стадо несущихся мустангов, возглавь его!» И они возглавили. Они стали обеспечивать не только оборот на своем рынке, но и спустя очень короткий срок – на международном рынке. После этого проникновение доллара внутрь протекционистских экономик стало просто делом времени. Вода точит камень – она сильнее. Монопольное положение доллара это не только результат какой-то хитроумной политики, международных заговоров и даже не результат доминирования над евразийской разрухой, образовавшейся после Второй мировой войны. Эти вещи были, но они не играли главенствующей системной роли. Уникальное положение США – это исторический результат развития США. На самом деле, это то, что с полным основанием можно назвать историческим достижением.

Однако это достижение накладывало ответственность. Главным образом – за «чистоту» долларовой жидкости, которая одна на всех. Отравив поток долларов в одном месте, ты отрав-

ляешь всю глобальную экономику. И США берется за, как сейчас уже стало очевидным, тяжелейшую даже для них задачу – выработку глобальных правил финансовой игры и поведения на рынке. С крахом советской системы можно констатировать, что они с этой задачей в основном справились, хотя огромные перекосы остаются до сих пор, и многие вопросы международной торговли до сих пор до конца не урегулированы. Вывоз капитала был институционализирован после Второй мировой войны в рамках бреттонвудской системы фиксированных валютных курсов, согласно которой все валюты привязывались к доллару, который, в свою очередь, привязывался к золоту. Несмотря на то, что привязка доллара к золоту со временем исчезла, доллар как глобальная валюта сохранился до сих пор. Международная же была институализирована в рамках ГАТТ, позже преобразованного в ВТО. Основная проблема ВТО – это абсолютная индифферентность к политическим и социальным основам участников ВТО. Страны с развитыми гражданскими институтами находятся в тех же условиях, что и страны, еще находящиеся в стадии формирования этих институтов. С другой стороны, вся международная торговля базируется на капиталистической форме производства и распределения благ.

Провозглашая цену как основополагающий элемент конкурентоспособности, а конкуренцию как базовый принцип развития экономики, развитые капиталистические страны сознательно нивелируют чужие культурные среды, разрушая посредством этого базовые основы социальной модернизации. С одной стороны, народы и их элиты, основываясь на собственных представлениях об общественном благе, вправе выбирать ту концепцию общественного развития и скорость модернизации общества, которая им более подходит. С другой стороны, глобализация, на основе Универсальных торговых принципов ВТО, фактически лишила их такой возможности, а вместе с этим и возможного уникального культурного и социально-политического опыта, без которого невозможно формирование гражданского общества открытого типа (в формулировке К. Поппера). Это было одной из причин того, что американская политэкономическая система так и не смогла охватить весь мир (в том смысле, что так и не смогла изменить его «изнутри», ограничившись лишь формированием глобальных связей между экономикой и государствами).

* * *

Вернемся, однако, снова к долларам. Доллар, если его рассматривать только как меру стоимости, – это некий идеальный переносчик этой стоимости, выполняющий функцию оборота, но, как и любые деньги, доллар это еще и средство накопления. Точнее, казначейские облигации США – это самое надежное в рамках глобальной экономики средство накопления, номинированное в долларах. И если доллар рассматривать в качестве средства накопления богатства, то в этом качестве он является товаром, и те, кто его берут, должны отдать за него что-то. Гениальность и простота всей системы в том, что это не является заботой правительства и ФРС США! Они просто печатают доллары – столько, в таком количестве, чтобы удовлетворить на них спрос. Банки ФРС ссужают их под самый низкий процент своим контрагентам, гарантируя оборот для самой ФРС. Те раздают кредиты по всему миру, и весь мир влезает в долг к США и начинает на них работать!

Сегодня, в период кризиса, стало модно говорить о гигантском американском долге как об основной проблеме глобальной экономики, при этом в качестве аргумента, свидетельствующего о глобальных перекосах в мировой финансовой системе, приводят данные по долларовым резервам стран-кредиторов США, в первую очередь Китая. При этом как-то забывают упомянуть о том, сколько должны американским банкам глобальные корпорации, которые в них кредитуются. А с начала острой фазы кризиса в сентябре 2008-го ФРС США открыла огромные по размеру кредитные своп-линии европейским Центробанкам, чтобы спасти европейские экономики от жесткого дефицита ликвидности. Если бы в начале весны 2009-го ФРС решила

не подливать их, Европа уже к середине весны была бы банкротом. Не отдельные корпорации, а европейская банковская система как целое была бы банкротом! Вот какова реальная зависимость глобальной экономики от ФРС США. До начала кризиса резервы России были больше ее корпоративного долга, но сегодня – уже меньше. Россия тоже должна сегодня США больше, чем дала США в долг. Если рассматривать экономики как целое, получится, что в мире нет ни одной страны, которая сегодня не была бы закредитована в долларах, и сами США, естественно, – не исключение. Это естественно для современной глобальной модели денежного обращения, в которой все оборотные средства создаются как кредит.

Это касалось и касается всех. На самом деле пресловутый план Маршалла для восстановления Европы был отработкой этой технологии, и первые, кто попал на американскую кредитную иглу, были потрепанные войной англичане. Для них это оказалось главной причиной краха их гигантской империи. Она была гигантским, но менее ликвидным рынком, и доллар захватил ее. За распад империи и американские кредиты британцы заплатили девальвацией фунта к доллару в разы и высокой инфляцией. Россия после распада СССР оказалась в еще более тяжелом положении, правда, но у нас и ситуация была гораздо хуже – в Британии все же были довольно хорошо развиты рыночные механизмы, у нас же после распада СССР их практически не было совсем.

Итак, первые, кто стал работать на США, это западные европейцы. Как следствие они же раньше всех прочих доросли до того, чтобы начать слезать с долларовой иглы, так как ЕС сумел построить у себя собственную ликвидную экономику и ввести свою высоколиквидную платежную единицу. Евро гораздо слабее доллара по ликвидному потенциалу, потому что в ЕС нет единой финансовой политики, до сих пор сохраняются барьеры даже между странами еврозоны, есть серьезные структурные проблемы и прочие недостатки. Однако можно сказать, что второй финансовый оазис образовался. Еще одним финансовым оазисом, возникшим еще раньше ЕС, была Япония, которая по ряду причин впала в бессрочный кризис под конец 80-х.

После западных европейцев на США стал работать практически весь мир, и это и есть глобализация в современном варианте. Появились глобальные капиталисты – США и сохранившая в американской модели некоторые преимущества Великобритания. Глобальный офшор – Швейцария. Глобальный сборочный цех – до Китая эту роль играла Германия, Австрия, отчасти – Франция и Италия. Нидерланды, известные своими цветами, 80 % ВВП, тем не менее, зарабатывают на высокотехнологичной промышленности и тоже входят в эту когорту. Сейчас сборка ширпотреба – уже работа китайцев. Глобальный источник нефти – Ближний Восток. Глобальный кредитор – Япония, сегодня к ней в этой роли постепенно присоединяется Китай.

Кстати, именно поэтому по иене давно держится близкая к нулю учетная ставка, так как Япония – это долларовый кредитор (на то он и глобальный) и ее валюта являлась основой для операций керри-трейд. Суть этих операций в том, что дешевые кредиты, которые брались в японских банках, переводились в доллары и ссужались уже под более высокую процентную ставку. Иена существовала в основном только для внутреннего пользования, и для этих спекулятивных операций она не является широко распространенной международной резервной валютой. Японцы именно за счет низких процентных ставок удержали иену от того, чтобы она стала резервной валютой, уступив в конце 80-х эту честь (и связанные с такой честью риски) американцам. Весьма мудрое решение для страны, у которой нет даже собственной армии. Последними в эту схему международного разделения труда успела вписаться Россия – мы оказались глобальным поставщиком природного газа, а также оружия в страны третьего мира, не находящиеся в сфере политического влияния Вашингтона.

* * *

Итак, главный компонент могущества США – это самый ликвидный рынок и, следовательно, самая ликвидная валюта. Все остальное – приложения. Но у ликвидности валюты есть вторая сторона: ликвидная валюта должна не просто наиболее свободно перемещаться по экономике, она должна обладать способностью к высокой степени аккумуляции в родительской экономике в том случае, если где-то возникнет избыток давления на нее, а такое давление начинают создавать образующиеся национальные ликвидные рынки. И тут доллары спасает американский фондовый и финансовый рынок. Оборот увеличивается не только благодаря вовлечению в оборот иностранных экономик, он увеличивается благодаря созданию огромного количества финансовых услуг – деривативов, паевых инструментов, рынка финансового страхования.

Кстати, максимальные премиальные до кризиса в США выплачивали именно менеджерам хеджевых структур, то есть людям, занимающимся финансовым страхованием. Огромное увеличение оборота повлекло за собой также становление механизма фьючерсных торгов сырьем, особенно нефтью. Все это создали американцы, и это привело к тому, что доллары новых хозяев, заработанные кровью и потом народов третьего мира, вернулись к американцам обратно, вложенные в создаваемые ими на бумаге из ничего финансовые конструкции.

Можно ли считать все это грандиозным надувательством? Своего рода глобальной финансовой пирамидой? И да, и нет. Соль в том, что из этой пирамиды просто некуда уйти, так как она – глобальная, поэтому она в принципе не может схлопнуться из-за утраты доверия вкладчиков. На сегодняшний день доверие к США подорвано у всего мира – многие сегодня считают США чуть ли не самой опасной и непредсказуемой страной, ответственной за глобальную политическую и экономическую нестабильность. Даже Иран не нажил себе такой гнилой репутации, как США за время правления Буша II. И все же бегства от доллара пока что нет. И не будет. Бежать некуда. Можно бежать в еврозону, но это означает просто выдавливание долларов в еврозону и подпадание еврозоны под американское влияние. Гениальная система! Так же проста и гениальна, как дистиллированная вода.

Соль этой системы еще и в том, что ликвидные валюты, а только такие и могут быть глобальными, свободно перемещаясь по всему миру, просто растворяются друг в друге. Например, евро в глобальной экономике смешалось с долларом в какой-то пропорции, в которой наличных долларов даже оказалось меньше, чем евро, но это не мешает доллару существовать. Более того, доллар как представитель более свободной экономики является в паре евро – доллар растворителем – без него евро может «выпасть в осадок». Без доллара и без американского рынка, благодаря которому долгое время развивалась европейская промышленность, евро может стать обыкновенной протекционистской валютой. «Твердой», а не «жидкой» – в моей терминологии. Это примерно то же самое, что происходит в перенасыщенных растворах: соль снова начинает выкристаллизовываться, не в состоянии раствориться. Воде-то, то есть доллару, это не вредит – она течет дальше, а кристаллики евро оседают на стенках, то есть в банках, где они накапливаются в качестве излишков. Говоря экономическим языком, начинается дефляция, которая, кстати, действительно началась в еврозоне в начале лета 2009-го.

На сегодняшний день ликвидность обеспечивается свободой обмена на доллары, и это отражается в том, что все самые ликвидные пары на Форексе – это валюты, отнесенные именно к доллару. Именно из-за зависимости евро от доллара еврозона, пусть и очень неохотно, подчиняется диктату ФРС, что очень хорошо видно по итогам всех последних антикризисных саммитов. Так что вершиной пирамиды ликвидности как был, так и остается доллар. Крах этой пирамиды будет означать крах всей мировой экономики и превращение ее снова в подобие выжженной солнцем пустыни, описанной мною чуть выше.

Часть 2. Проблема доллара и базовые сценарии глобального кризиса

Так что, ничего нельзя сделать даже в условиях тяжелейшего кризиса глобальной системы, построенной на долларе? Можно в связи с кризисом подумать о замене доллара на другую ликвидность, и для этого сегодня есть серьезные предпосылки. Во-первых, промышленный потенциал США съезжился относительно других государств – европейские государства и Япония, восстановившиеся после Второй мировой войны, а затем и страны Азиатско-Тихоокеанского региона, включая стремительно выросший Китай, постепенно теснили США на глобальном рынке. Во-вторых, значительные запасы нефти сегодня контролируются национальными частными или государственными компаниями, и хотя глобальный рынок нефти пока еще торгуется за доллары, сам уровень добычи, а вместе с ним и цена на нефть, к которой привязаны цены на другие энергоносители, сегодня лишь отчасти регулируется американцами. В-третьих, военно-политического могущества США оказалось недостаточно для того, чтобы контролировать ситуацию в глобальном масштабе и гарантировать глобальную безопасность. Естественно, росту глобальной безопасности не способствовала и откровенно авантюрная политика администрации Буша II, провоцировавшая угрозы, вместо того чтобы предотвращать их.

Все время с того момента, как доллар занял свой привилегированный статус, три кита, служившие его основанием, сдувались. Долларовая же масса все это время росла. Рост долларовой массы спрофилирован ссудным процентом, под который банковская система США снабжает долларами мировую экономику, поэтому рост денежной массы является экспоненциальным (с переменным во времени показателем экспоненты). Однако рост международной торговли, ведущейся за доллары, начиная с некоторого момента, не может быть экспоненциальным просто потому, что он опирается в естественные ресурсные, транзитные и демографические ограничения. Кроме того, доллар оказался вытесненным из внутриевропейской торговли после введения евро.

Возникшая ситуация, при которой рост денежной массы есть функция производной самого роста и фактически слабо связан с реальными показателями глобального товарооборота и промышленного производства, привела к тому, что доллар, являющийся по своему статусу единой количественной мерой стоимости, перестал быть ей функционально, по сути. Лишнюю долларовую массу необходимо было поглощать, чтобы не допустить раскручивания высокой глобальной инфляции, и до некоторого предела такими поглотителями являлись: ВПК США, глобальный рынок информационных товаров и технологий (включая медиарынок), рынок фьючерсных контрактов на основные виды сырья и рынок финансового страхования.

Из всех этих рынков только рынок финансового страхования не обладает естественными структурными ограничениями на свой объем – перестраховываться, теоретически, можно до бесконечности. Но есть одна проблема – чем более сложными становятся страховые схемы и соответствующие им финансовые инструменты, тем более узкий и специфический круг инвесторов готов инвестировать в такие инструменты, а это значит, что они становятся менее ликвидными. «Высокие финансовые технологии», которыми прославились США накануне кризиса, невозможно двинуть в массы. Это привело к тому, что средства, аккумулированные в соответствующих инструментах, могут зависать, если на эти инструменты не находится в конкретный момент времени конечного покупателя, – это ведь не простой потребительский кредит и не ипотека по фиксированной ставке, которая понятна простому потребителю банковских продуктов.

«Страшно далеки они от народа», эти «финансовые декабристы», устроившие последнюю «революцию» на финансовом рынке и прославившиеся «упаковкой» ипотечных кредитов

и замысловатыми кредитными схемами с такими минимальными нормами реального обеспечения, о которых просто неприлично говорить вслух. Но это еще полбеды, в которую (беду) попала американская экономика. Вторая половина беды – невозможность адекватной количественной оценки рисков, связанных с этими сложными продуктами, потому что в условиях резко упавшей накануне острой фазы кризиса в сентябре 2008-го года ликвидности их рынка стандартные модели оценки рисков, построенные на аппарате теории вероятностей, дают сбой. Гауссовы кривые и прочие гладкие распределения работают до тех пор, пока временем простоя сделки можно пренебречь, в предположении, что спрос моментально находит предложение.

Когда эти условия нарушаются, эти модели оценки рисков отказывают. Все сложные финансовые продукты, которые продавались как некое новое качество финансового управления и благодаря которым доллар, функция количественной единой меры стоимости которого все более и более размывается, продавался уже как мера качества, на практике только ухудшили управление рисками. Качественно новые финансовые технологии порождают и качественно новые риски – об этом забыли те, кто радостно приветствовал в свое время появление этих замысловатых инструментов.

Те, кто в период кризиса постоянно говорит о бегстве в доллар как о переводе ликвидности в качество, просто не в курсе реального положения вещей на американском финансовом рынке или руководствуются просто слепой верой в его качество. Там сегодня уже нет никакого качества. С начала острой фазы кризиса нельзя даже сказать, плохое оно или хорошее, – там творится полный хаос, потому что больше нет адекватных моделей оценки рисков. Качество для капитала – это не просто свобода его приложения, открытость и конкурентность рынков, на которые он приходит, качество – это и предсказуемость финансовых рисков на рынке.

Именно эта предсказуемость напрочь отсутствует с начала кризиса в США, и стремительно таящий авторитет «финансовых гуру» вкупе с остатками кредита доверия к рейтинговым агентствам едва ли могут быть в период кризиса основой для рациональной веры в силу американской экономики. Как следствие единственным твердым гарантом становится само американское государство, которое удерживает финансовую систему уже не просто денежными вливаниями, а с помощью национализации. Парадоксальная в нормальной ситуации положительная оценка рынками национализации американских ипотечных гигантов осенью 2008 года свидетельствует о том, что инвесторы, в общем, уже тогда поняли, до чего все дошло, но что дальше?

* * *

Возникла странная, на первый взгляд, ситуация. С одной стороны, долларовая денежная масса многократно перекрывает тот необходимый объем средств, который нужен для обеспечения глобального товарооборота и кредитования реального сектора глобальной экономики. С другой стороны, денег нет. Понять, как такое может быть, можно на простом примере. Представьте себе мощный компьютер, на котором запущено множество приложений под управлением сложной операционной системы. Эти приложения пользуются различными правами доступа к различным ресурсам системы, система реагирует на их сигналы и посылает им свои. Ресурсов хватает, и все приложения функционируют нормально.

Но вот внутри операционной системы возник какой-то логический конфликт, и начинается то, что мы называем подвисанием. Система начинает оттягивать на себя процессорное время в попытках обработать возникшую ошибку. Если ошибка возникла в каком-то ключевом процессе в ядре операционной системы, сбой останавливает и все процессы, завязанные на тот, в котором возникла ошибка. И вот, вне зависимости от объема памяти и мощности процессора, компьютер, в операционной системе которого возникла системная ошибка, постепенно (или сразу) перестает реагировать на сигналы периферии, занятый каким-то своим внутрен-

ним процессом, оттянувшим на себя все ресурсы системы. То, что происходило осенью 2008-го в финансовой системе США, являющейся ядром глобальной экономики, укладывается в эту аналогию. Роль системной ошибки в данной аналогии играет неадекватная оценка рисков, роль «ключного» процесса – неадекватные алгоритмы их оценки, а роль процессорного времени – деньги. Непонятно? Ну что ж, попробую объяснить иначе...

Есть прямая физическая аналогия происходивших тогда в глобальной экономике процессов – они аналогичны заключительной фазе эволюции звезды. В своем устойчивом состоянии звезду удерживают две уравновешивающие друг друга силы – сила тяготения, стремящаяся сконцентрировать всю массу звезды в центре, и сила давления, подпитываемая ядерной реакцией в звездном веществе, благодаря которой звезда существует. Но по мере выгорания ядерного топлива и потери части внутренней энергии в виде излучения в окружающее пространство давление ослабевает, и звезда начинает сжиматься под действием силы тяготения. Это увеличивает плотность в центре и снова подпитывает ядерную реакцию. Сжатие на этой стадии идет медленно. Но когда в центре звезды в маленьком объеме скапливается значительная масса, процесс стягивания на нее остального звездного вещества при определенных условиях принимает лавинообразный характер. Этот процесс называется гравитационным коллапсом. Масса в данном примере – это денежная масса, ядерная реакция, благодаря которой звезда стабильна – деловая активность, а сила тяготения – ставка кредитования, стягивающая деньги к центру денежной системы.

Реальная экономическая модель сложнее, потому что денежная масса в ней не сохраняется, а увеличивается, но суть примерно та же, что и в описанном выше природном феномене. И что же случится, если начать накачивать эту систему массой из центра, т. е. из ЦБ? Очевидно, что это только ускорит процесс коллапса, потому что новая масса не успеет дойти до периферии, где все еще активно идет ядерная реакция, – она застрянет в отработанном материале, расположенном ближе к центру и не порождающем новой энергии, т. е. деловой активности, однако усилит центростремительную силу тяготения.

Как это касается нашего российского рынка? До осени 2008-го мы были периферией, в которой, как раз, кипела высокая деловая активность, но это время прошло. Периферией мы как были, так и остались, но коллапс затронул и нас – нас стало затягивать ближе к центру глобального кризиса. Поскольку нас тянула вся масса, сосредоточенная ближе к центру, мы падали быстрее в процентном отношении, чем т. н. развитые рынки, развитость которых, в сущности, в современной модели глобальной экономики определяется близостью к глобальному эмиссионному центру – ФРС США.

* * *

Точный ответ на вопрос, чем все закончится, дать невозможно, так же как невозможно точно ответить и на вопрос о том, во что конкретно превратится сколлапсировавшая звезда, – есть несколько различных сценариев. Это, пользуясь физической аналогией, либо черная дыра, либо нейтронная звезда, либо сверхновая. В переводе на язык экономики эти аналогии конкретизировались осенью 2008 года в следующих перспективах:

1. Полный крах глобальной экономики, разрыв экономических связей и фрагментация глобального рынка – черная дыра. Это может произойти, если кризис закончится смертельным для глобальной экономики дефляционным шоком. Основная проблема современной глобальной экономики, из-за которой глобальная экономика, собственно, и оказалась там, где она оказалась, – это исчерпание возможностей для инвестиций в рамках существующей глобальной модели и тех ограничений спроса, которые существовали к началу кризиса.

Кстати, эта проблема касается всех, и радоваться ей на основании того, что она у доллара, в данном случае глупо. Проблема заключается в том, что темпы роста оборота капитала

в глобальной экономике уже довольно давно начали падать. Пока было что заполнять – доллар реактивно растекался по всему миру. Сейчас практически не осталось экономик, в которых он бы не присутствовал. Наверное, последнее место, где доллара еще нет в наличном обращении, – это Северная Корея. Нарастив оборот, поглощая протекционистские экономики, уже практически невозможно. Нарастив оборот, перестраховывая глобальную экономику, можно только симулируя какие-то глобальные риски. «Война с террором» как раз является такой симуляцией.

Однако фактор страха чем дальше, тем хуже работает. К страху привыкаешь – мы уже практически не реагируем на сообщения о захватах заложников и взрывах. Злобных инопланетян тоже на горизонте не видно, да и вообще, фактор стресса в нынешней цивилизации стал настолько велик, что его трудно увеличить в относительном выражении. Все, кто склонны к запугиванию, уже запуганы. Рынок страха перенасыщен, поэтому рынок страхования тоже расти больше не будет без роста объемов, подлежащих страхованию. То есть он не может расти без роста кредитной массы. Рост же кредитной массы в глобальной экономике, не приводящий к высокой инфляции или даже гиперинфляции, уже невозможен без промышленного роста, а он уже прекратился – мир вступил в кризис и производство повсеместно сокращается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.